

УДК 32.019.5,17.022

Е.Ф. Матвейчук

ПРОБЛЕМА ВЫРАБОТКИ ЕДИНОГО КРИТЕРИЯ ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ

МАТВЕЙЧУК Елена Федоровна — доцент кафедры истории Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат исторических наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: efm100@mail.ru

Аннотация

Современные технологии управления массовым сознанием, воздействуя на общественный менталитет, маскируют реально существующую в нашей жизни напряженность отношений между носителями двух диаметрально противоположных ценностных установок. Особую роль в разоблачении таких технологий играет решение проблемы выработки единого критерия этической оценки исторических фактов.

Ключевые слова

УПРАВЛЕНИЕ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ; ПРАВСТВЕННОСТЬ; МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА; ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ; КРИТЕРИЙ ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ.

Одной из самых актуальных проблем отечественной истории в настоящее время является существование разных, часто взаимоисключающих, точек зрения на одни и те же исторические явления, события или личности. Для одних, например, призывание на княжение Рюрика — это очевидное доказательство неспособности восточных славян к самостоятельному государственному строительству [1 и др.], а для других — занесенный на почву русской исторической науки вирус «норманизма» [2 и др.]. Для одних опричнина Ивана Грозного — свидетельство рабской природы русского народа [3 и др.], а для других — достойный подражания образец усмирения безответственной элиты и решения земельного вопроса [4 и др.]. Для одних советский период — это «черная дыра» русской истории, которой надо стыдиться и за которую надо

каяться [5 и др.], а для других — высшее проявление заложенных в русской цивилизации возможностей и потенциалов [6 и др.].

Сегодня средствами массовой информации все настойчивее нам навязывается мнение, что если существуют взаимоисключающие точки зрения на исторические события, то невозможен консенсус между спорящими. Вникнув в глубинную суть разногласий между спорящими сторонами, мы увидим, что главным предметом споров являются не столько сами факты, сколько претензии на право их монопольной — положительной или отрицательной — оценки. Но это значит, что совмещение противоположных мнений для оценки исторического процесса никакой объективности ей не прибавит. Если разные точки зрения на исторические явления, события и личности — это их разные этические

оценки, то и сама проблема создания единой непротиворечивой истории должна решаться не как проблема совмещения или не совмещения разных точек зрения на одни и те же факты, а как проблема выработки единого критерия этической оценки этих фактов.

Выработать единый критерий этической оценки означает понять, какие из исторических явлений, событий и личностей следует считать «хорошими», а какие – «плохими». Исключительная важность ответов на такие вопросы объясняется их столь же важной управленческой ролью. Люди делают сами, добровольно и с удовольствием, только то, что считают для себя «хорошим»: полезным, выгодным, удобным. Соответственно не хотят они делать всего того, что считают для себя «плохим»: вредным, убыточным, лишним. Можно, конечно, силой заставить их делать то, чего им делать не хочется, но, как показывает исторический опыт, это будет затратное, дорогостоящее управление. Гораздо выгоднее заставить людей делать то, чего им не хочется, не силой, а убеждением.

Такое вот «убеждение» и лежит в основе современных технологий управления массовым сознанием. И сводится оно обычно к тем или иным способам искусственного формирования коллективных представлений о «хорошем» (о «добре») и о «плохом» (о «зле»). Делается это так: пользуясь тем, что языковые понятия никогда не отражают всего многообразия явлений, которые ими обозначаются, манипуляторы делают акценты на совершенно разных сторонах явлений, придают тем или иным понятиям, в зависимости от поставленной задачи, положительный или отрицательный смысл. Например, если в начале XX столетия «прогрессивная» общественность России сумела уверить всех, что капитализм – это «мировое зло», а социализм – «мировое добро», то в конце столетия *она же*, не моргнув глазом, утверждала диаметрально противоположное.

При распаде Советского Союза среди нерусского населения его национальных республик, округов и автономных областей национализм поощрялся как «безусловное добро», а среди русского населения РСФСР и национальных республик СССР он же осуждался и продолжает осуждаться как столь же «безусловное зло» (как «русский фашизм»). На этих примерах мы

видим, что современная техника «вербального управления» отработана в совершенстве.

Но манипулятивный характер этой техники, будучи недостаточно скрыт от внимательного наблюдателя, подрывает тем самым доверие к власти. Поэтому сегодня используется еще одна, намного более изощренная, техника управления массовым сознанием, известная под кодовым названием «универсальной морали», или «общечеловеческих ценностей». Суть ее в том, что реально наблюдаемому в истории культуры «незавершимо диалогу мировоззрений – последних позиций в отношении высших ценностей» (выражение М.М. Бахтина) [7, с. 351–354] противопоставляется якобы абсолютный для всех времен и народов ценностный стандарт. На практике эта красивая утопия означает принятие за «зло» (за «ксенофобию» и «экстремизм») умение различать носителей двух диаметрально противоположных ценностных установок, а за «добро» – потерю такого умения.

Именно из этой утопии произрастает самонадеянная претензия «честных максималистов» всех времен и народов на *монопольное владение этической истиной*. Из этой же утопии берет начало ценностная дезориентация, а значит, и деградация общественного сознания, ведь у людей, «клюнувших на общечеловеческие ценности», теряется понимание смысла происходящего как столкновения разных ценностных установок. А тем самым разрушается система цементирующих культуру запретов, ведь культура – это система ограничений, налагаемых на биологические функции (на вседозволенность). «Именно с осознания существования запретов начинается цивилизованность» [8].

В результате мы наблюдаем утрату массовым сознанием способности различать «добро» и «зло», что представляет огромный управленческий интерес, ведь нравственно дезориентированной толпой управлять намного легче, чем людьми с реалистическим восприятием жизни. Не случайно технология «общечеловеческих ценностей», сводящая на нет понятия «добра» и «зла» под предлогом их относительности, работает в тесном «тандеме» с технологией «толерантности», ответственной за добровольный отказ людей от права на собственный этический выбор. Действительно, зачем иметь право на такой выбор, если договорились, что и выбирать-то не из чего?

Но и у технологии «общечеловеческих ценностей» есть свое «уязвимое место». За понятиями «добра» и «зла» стоит мощная культурно-историческая традиция различения «своих» («хороших») и «чужих» («плохих»). Она-то, эта традиция, и является универсальной, данной нам в эмпирическом опыте, основой всякой нравственности, единственной реальной почвой для формирования в истории культуры двух диаметрально противоположных ценностных установок, воплощаемых в понятиях «добра» и «зла».

Именно потому, что понятия «добра» и «зла» неотделимы от представления о «своих» и «чужих», так трудно и даже невозможно убедить людей, что противостояния добра и зла — не существует. Наоборот, это противостояние непрерывно напоминает о себе тем, что протекает в режиме острых внутриобщественных напряжений, и тем самым делает безрезультатными все попытки создания «универсальной морали». Эта борьба ведется сразу по многим «фронтам»: расовым (обосновывающим «цивилизаторское бремя белого человека» или «повышенную жизнеспособность черного, желтого и др.»), классовым (превращающим бывших господ в люмпенов, а люмпенов, в том числе духовных, — в господ), социал-дарвинистским (провозглашающим право «приспособленных» народов жить за счет «неприспособленных»), политико-идеологическим (санкционирующим ковровые бомбардировки «недемократических» и «тоталитарных» государств).

Религиозная сфера тоже оказывается втянутой в эту борьбу, реализуемую одновременно и в различении «своих» и «чужих» (по формальному критерию «истинной веры»), и в объединении тех и других под единой «крышей общечеловеческих ценностей». Известно, что за прообразы указанных ценностей достаточно часто выдаются именно моральные императивы ведущих мировых религий. Хотя на самом деле речь в этих религиях всегда идет не об «универсальной морали», а как раз о такой, которая различает «своих» и «чужих» (по разным, разумеется, критериям). Причем в христианстве это касается и Ветхого, и Нового заветов.

Однако сегодня основным полем борьбы за «общечеловеческие ценности» становится в истории культуры именно секулярная сфера: главным образом в ней эти «ценности» постоянно, хотя и не слишком успешно, конкурируют с

другими идеологиями за право доминирования в массовом сознании. Это видно, в частности, по ситуации в России, где прежнее, реалистичное, восприятие жизни как противоречивого единства (диалога) двух ценностных установок постепенно вытесняется пропагандой «относительности» этих установок, невозможности и ненужности их различения, т. е. утопией «общечеловеческих ценностей».

«Общечеловеческие ценности» назойливо внедряются в сферу «коллективного бессознательного», воздействуют на общественный менталитет, маскируя реально существующую в нашей жизни напряженность отношений между носителями двух диаметрально противоположных ценностных установок: между духовно своими — дорожащими всей историей, культурой и целостностью своей страны, и духовно чужими — рассматривающими страну проживания как лишь «охапку хвороста» для разного рода «костров», будь то «мировая революция» или «мировая демократия».

Именно «общечеловеческие ценности» навязываются обществу в качестве негласной монополярной идеологии, обманным путем выдающей себя за «деидеологизацию» (с целью *формального* соблюдения Конституции РФ). Но тем острее встает задача нейтрализации этой идеологической «бомбы замедленного действия». Избавиться от нее и понять, что единство мировой истории проявляет себя в противоречивой, часто жестокой, даже кровавой, перетасовке критериев различения «своих» и «чужих», означает обрести иммунитет к одной из самых изощренных и эффективных манипулятивных технологий, размывающих реальные ценностные ориентиры, а с ними и здравый смысл. Сегодня настоящую (смертельную) угрозу нравственному здоровью общества представляет не донесение до подрастающих поколений всей правды о противоречиях реальной жизни, а, наоборот, ее замалчивание, помогающее «чужим» маскироваться под «своих».

В середине XX века наши отцы и деды сумели, *отчасти и ненадолго*, вернуться к реальным ценностям, т. е. сумели понять, что мир делится на «духовно своих» (на тех, кто хочет навести порядок в собственном доме) и на «духовно чужих» (на тех, кто делает свой гешефт на разного рода «мировых революциях» и «новых мировых порядках»). Результатами этого кратковремен-

ного возвращения к здравому смыслу явились победа в самой страшной в мировой истории войне и создание общественного строя с социально ориентированной экономикой, передовой промышленной базой, мощными научными и инженерно-техническими кадрами, яркой культурой и техникой. Самый же главный результат был тот, что наши отцы и деды не только выжили сами, но и обеспечили дальнейшее существование нас самих.

Сумеет ли повторить их духовный подвиг мы – граждане нынешней России? Сумеет ли преодолеть «разруху в головах» и развеять гипноз утопии «общечеловеческих ценностей»? Сумеет ли вернуться к здравому смыслу и снова понять, где «свои», а где «чужие»?

Различение «своих» и «чужих» – это лишь предпосылка решения проблемы. Сама же проблема связана со свободой этического выбора между «своими» и «чужими». Нравственность (как то, чем определяются этические установки личности) целиком производна от своего мировоззренческого обоснования, а именно: от конкретных представлений человеческого «Я» об «устройстве мира» целиком зависит понимание им своего места в этом мире и должного поведения в нем. И если понимание этого места у разных «Я» – разное, то должны различаться и этические установки для разных «Я» [9].

«Диалог мировоззрений» представлен в истории культуры двумя основными моделями, по-разному трактующими роль «Я» в них. Первая модель, восходящая к традиционным типам мировосприятия, – это «Я, считающее себя органической частью мира»; вторая, условно могущая быть названной «научно-прогрессивной», – это «Я, противопоставляющее себя миру». Очевидно, что оба эти «Я» принадлежат к принципиально различным смысловым контекстам (языковым тезаурусам). Но поэтому и не удивительно, что они по-разному отвечают на вопросы: Нужно ли быть совестливым, способным к сопереживанию? Нужно ли заниматься этическим самоограничением? Нужно ли думать не только о себе, но и о других?

Традиционное мировосприятие дает на такие вопросы положительный ответ. Впитавший его дух человек понимает, почему он должен думать не только о себе, но и о других: он должен так думать потому, что *его мир* устроен

по принципу «действие-противодействие», где за всё совершаемое в жизни надо платить. (Конкретные формы расплаты зависят от той конкретной системы религиозных взглядов, которых он придерживается.) В «прогрессивной» же трактовке мироустройства для этики как смыслообразующей категории вообще нет ни почвы, ни места. Всё, что в этой системе отсчета относится к категории «духовности», изначально наделено статусом вторичности, надстроечности, производности от неких более фундаментальных (якобы) вещей. Но поэтому и человек, сознательно и последовательно придерживающийся такого взгляда на мир, не может не прийти к выводу, что миром правят не идеалы, а интересы, и что мысли, слова и поступки – это бесследно растворяющиеся в материальной круговерти флуктуации. Ему кажется естественным, что за всё совершаемое в этой жизни платит не «согрешивший перед высшим законом бытия» (как и чем можно заплатить закону вечного движения материи?), а «проигравший в борьбе за место под солнцем». Поэтому общественные идеалы для него – обычные предрассудки, а их диктат – посягательство на «права и свободы личности».

Не удивительно, что в полном соответствии с таким миропониманием в его сознании формируется (пусть не сразу, а через борьбу с «пережитками прошлого» и прочими «традиционными суевериями») адекватный «прогрессивному» мировосприятию образ мышления и поведения. В начальном, более или менее пристойном виде этот образ мышления и поведения выглядит как становление «личностного начала», а в законченном и предельно циничном виде – манифестируется в формулах типа «Живем один раз»; «Бери от жизни всё»; «Кто не успел, тот опоздал».

Подлинная суть нравственного выбора сводится к выбору наиболее адекватного реальному порядку вещей взгляда на мир. Но здесь возникают новые сложности, потому что поисками такого взгляда озабочена ничтожная в количественном отношении часть общества. Большинство же руководствуется бытовой инерцией или соображениями сиюминутной выгоды.

Да, придерживаться «прогрессивного» мировоззрения сегодня намного выгоднее, нежели ограничивать себя рамками традици-

онального. Но если представление о выгоде обусловлено неадекватным реальному порядку вещей мировоззрением, то не обманет ли себя в конечном счете тот, кто погонится за сиюминутной выгодой?

Современные научные представления об «устройстве» мира переживают сегодня стадию критического пересмотра своих основополагающих принципов, т. е. они находятся в фазе радикальной переоценки вчерашних «прогрессистских» догм [10]. А важнейшими направлениями мысли здесь можно считать, во-первых, осознание *предпосылочности* всякой работы мысли, ее опоры на «предструктуру понимания» [11, с. 153] и, во-вторых, осознание историзма (вернее, того, что принято сегодня называть «историзмом») как *наивного исторического объективизма*. «Наивность так называемого историзма состоит в том, что он, полагаясь на методологизм своего подхода, забывает о своей собственной историчности... Подлинно историческое мышление должно мыслить также и свою собственную историчность» [12, с. 354–355].

На такой предпосылочной основе начинают выглядеть вполне оправданными догадки, что в рамках новой парадигмы найдет свою реабилитацию загнанная в «гетто надстроечности» духовная проблематика. Как писал В.И. Вернадский, философское построение связано с материализмом тем течением мысли, которое было живым в конце XVIII, середине XIX века и которое в тех проявлениях, в каких оно выражено в современной науке, является историческим пережитком [13].

Еще более радикальный вывод следует из «антропного принципа в космологии», согласно которому фундаментальные параметры Вселенной оказываются почему-то именно такими, какие необходимы для существования в ней разумной жизни. И он же, этот вывод, следует из Общей теории систем Л. фон Берталанфи, считавшего, что если действительность — не то, чем она представляется классической (материалистической) науке, то и «образ человека должен отличаться от его образа в мире физических частиц, в котором случайные события выступают в качестве последней и единственной истины. *Мир символов, ценностей, социальных и культурных сущностей представляется в этом случае гораздо более „реальным“*» [14, с. 36],

т. е. определяющим и структурирующим сам космический порядок. Еще в первых веках н. э. Дионисий Ареопагит писал: «Зло представляет собой слабость и убывание Добра» [15, с. 391], оно «есть лишь недостаток, отсутствие полноты свойственных нам благ» [Там же. С. 379]. То есть: добро, по Ареопагиту, — это «полнота свойственных нам благ», а зло — отсутствие такой полноты. Но в переводе на современный язык «полнота свойственных нам благ» — это полнота доступных нам знаний о мире (и материальном, и духовном). Пересмотр устаревших прогрессистских догм, которые сводят все смыслы к одной лишь экономике (т. е. к неполноте представлений о мире), предвещает назревший переход к новой мировоззренческой парадигме, в которой не будет постоянно «редактироваться» история — не только чья-то национальная, но и мировая. Пропагандой национальной истории как сплошного негатива порождается «смердяковщина» (по имени Смердякова — литературного персонажа Ф.М. Достоевского, сожалеющего, что французскому императору Наполеону в 1812 году не удалось завоевать Россию) [16].

Но не менее вредным оказывается и освещение истории как сплошного позитива: одних оно изначально отталкивает своей очевидной лживостью, а других зомбирует, чтобы потом разочаровать (и тем самым тоже превратить в «смердяковых»).

А ведь есть еще и «нейтральная» в оценочном плане неполнота информации, выглядящая на первый взгляд как «взвешенно-объективная», но по своим последствиям ничуть не менее пагубная, чем клеветническая или фальшиво-патриотическая.

Задача старших поколений — раскрыть глаза подрастающим поколениям на окружающую их действительность как на арену принципиально неискоренимого взаимодействия двух диаметрально противоположных ценностных установок, в процессе которого сам человек, обладающий знаниями, может свободно и осознанно сделать этический выбор. Встать на позиции здравого смысла мы сможем, если научимся различать, что есть «добро», а что — «зло», если умело будем применять в своих оценках критерий этической оценки исторических фактов. Тогда и усилия манипуляторов массовым сознанием окажутся напрасными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб.: Евразия, 2009. 395 с.
2. Ломоносов М.В. Древняя российская история. М.: Эксмо, 2007. 736 с.; Геденов С.А. Варяги и Русь. Разоблачение норманнского мифа. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. 352 с.; Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Рус. панорама, 2005. 486 с.; Фроянов И.Я. 1991. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 3–15; Кузьмин А.Г. Начало Руси: тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 426 с.
3. Зимица А.А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964. 535 с.; Кобрина В.Б. Иван Грозный. М.: Моск. рабочий, 1989. 175 с.; Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: АСТ, 2006. 480 с.
4. Мутья Н. Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX веков. СПб.: Алетейя, 2010. 496 с.; Фурсов А.И. Опричнина в русской истории – воспоминание о будущем, или кто создаст четвертый Рим? URL: <http://dynacon.ru/content/articles/381/> (дата обращения: 11.02.2014).
5. Млечин Л.М. Один день без Сталина. Москва в октябре 41-го года. М.: Центрополиграф, 2012. 384 с.; Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. 168 с.
6. Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм / Ин-т динам. консерватизма. М.: Центр. издат. дом, 2012. 696 с.
7. Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. М.: Рус. словари : Языки славянской культуры, 1997.
8. Черняховский С.Ф. О системе запретов. URL: <http://rusinform.ru/index.php?newsid=2233> (дата обращения: 17.08.2013).
9. Матвейчук Е.Ф. Этикоцентричность образования. Актуальные проблемы современного непрерывного образования в поликультурном мегаполисе: пути решения и перспективы развития // Научные труды и материалы междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1 /под ред. Л.М. Федоряк. Глухів: Изд-во ГНПУ ім. О. Довженко, 2012. С. 34–42.
10. Горюнков С.В. О предпосылочных основаниях культуры // Нева. 2013. № 2. С. 127–144.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006.
12. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
13. Вернадский В.И. Изучение явлений жизни и новая физика // Изв. АН, 1931. С. 417–437.
14. Бергаланфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исслед. М., 1973.
15. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя, 2003.
16. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999. 524 с.

E.F. Matveychuk

PROBLEM OF DEVELOPMENT OF UNIFORM CRITERION OF THE ETHICAL ASSESSMENT OF HISTORIC FACTS

MATVEYCHUK Elena F. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: efm100@mail.ru

Abstract

Modern technologies of management of mass consciousness, influencing public mentality, mask real-life in our life intensity of the relations between carriers of two opposite valuable installations. The special role in exposure of such technologies is played by a solution of the problem of development of uniform criterion of an ethical assessment of historic facts.

Keywords

MANAGEMENT MASS CONSCIOUSNESS; MORAL; WORLDVIEW PARADIGM; MORAL PRECEPTS; CRITERION ETHICAL EVALUATION.

REFERENCES

1. Kleyn L.S. *Spor o varyagakh*. St. Petersburg, Yevraziya Publ., 2009. 395 p. (In Russ.)
2. Lomonosov M.V. *Drevnyaya rossiyskaya istoriya*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 736 p. (In Russ.); Gedeonov S.A. *Varyagi i Rus'. Razoblacheniyе normannskogo mifa*. Moscow, Eksmo, Algoritm Publ., 2011. 352 p. (In Russ.); Fomin V.V. *Varyagi i varyazhskaya Rus'. K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu*. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2005. 486 p. (In Russ.); Froyanov I.Ya. 1991. Istoricheskiye realii v letopisnom skazanii o prizvanii varyagov. *Voprosy istorii*, 1991, no 6, pp. 3–15. (In Russ.); Kuzmin A.G. *Nachalo Rusi: tayny rozhdeniya russkogo naroda*. Moscow, Veche Publ., 2003. 426 p. (In Russ.)
3. Zimina A.A. *Oprichnina Ivana Groznogo*. Moscow, Mysl' Publ., 1964. 535 p. (In Russ.); Kobrina V.B. *Ivan Groznyy*. Moscow, Moskovskii rabochiy Publ., 1989. 175 p. (In Russ.); Skrynnikov R.G. *Ivan Groznyy*. Moscow, AST Publ., 2006. 480 p. (In Russ.)
4. Mutya N. *Ivan Groznyy: istorizm i lichnost' pravatelya v otechestvennom iskusstve XIX–XX vekov*. St. Petersburg, Aleteyya, 2010. 496 p. (In Russ.); Fursov A.I. *Oprichnina v russkoy istorii – vospominaniye o budushchem ili kto sozdast chetvertyy Rim?* Available at: <http://dynacon.ru/content/articles/381/> (accessed 11.02.2014) (In Russ.)
5. Mlechin L.M. *Odin den bez Stalina. Moskva v oktyabre 41-go goda*. Moscow, Tsentropoligraf Publ., 2012. 384 p. (In Russ.); Pivovarov Yu.S. *Russkaya politika v yeye istoricheskoy i kulturnoy otnocheniyakh*. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2006. 168 p. (In Russ.)
6. Averyanov V.V. *Traditsiya i dinamicheskiy konservativizm*. Moscow, Tsentralnyy izdatelskiy dom Publ., 2012. 696 p. (In Russ.)
7. Bakhtin M.M. Collected works. In 7 vol. Of vol. 5. Moscow, Russkiye slovari, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 1997. (In Russ.)
8. Chernyakhovskiy S.F. *O sisteme zapretov*. Available at: <http://rusinform.ru/index.php?newsid=2233> (accessed 17.08.2013)
9. Matveychuk Ye.F. *Etikotsentrichnost obrazovaniya. Aktualnyye problemy sovremennogo nepreryvnogo obrazovaniya v polikulturnom megapolise: puti resheniya i perspektivy razvitiya*. Materials of the international symp. In 2 pt. Of pt. 1. Glukhiv: GNPU im. O. Dovzhenko Publ., 2012, pp. 34–42. (In Ukr.)
10. Goryunkov S.V. O predposylochnykh osnovaniyakh kultury. *Neva*, 2013, no 2, pp. 127–144. (In Russ.)
11. Khaydegerr M. *Bytiye i vremya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. (In Russ.)
12. Gadamer Kh.-G. *Istina i metod: osnovy filosofskoy germeneytiki*. Moscow, Progress Publ., 1988. (In Russ.)
13. Vernadskiy V.I. Izucheniyе yavleniy zhizni i novaya fizika. *Izvestiya AN*, 1931, pp. 417–437. (In Russ.)
14. Bertalanfi L. fon. *Istoriya i status obshchey teorii system. Sistemnyye issledovaniya*. Moscow, 1973. (In Russ.)
15. Dionisiy Areopagit. *Works. Tolkovaniya Maksima Ispovednika*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. (In Russ.)
16. Yatsenko N.Ye. *Tolkovyy slovar' obshchestvenno-cheskikh terminov*. St. Petersburg, Lan' Publ., 1999. 524 p. (In Russ.)